

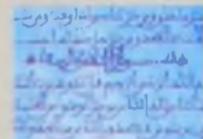
ISSN 1811-1823

ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ

С. ТОРАЙҒЫРОВ АТЫНДАҒЫ
ПАВЛОДАР МЕМЛЕКЕТТІК
УНИВЕРСИТЕТІ

ФИЛОЛОГИЯЛЫҚ СЕРИЯ

3-4' 2012

ПМУ ХАБАРШЫСЫ
ВЕСТНИК ПГУ

УДК 81'1

Г. Н. Кенжебалина

КАЗАХСКИЙ ЭТНОС В АСПЕКТЕ ПОЛИКУЛЬТУРЫ И МНОГОЯЗЫЧИЯ

Статья посвящена исследованию казахстанского политического дискурса в разнообразных связях с тремя аспектами – с историей страны, с историей общественной мысли и историей словесного искусства.

В современной лингвистике выделяется особая отрасль – политическая лингвистика. цели, задачи и основные направления которой сформулированы А. П. Чудиновым (см. подр.: [Чудинов, 2003: 170-171]). На данном этапе своего развития политическая лингвистика получило широкое распространение.

В рамках современной политической лингвистики выделилось особое направление – политическая психолингвистика. В. Н. Базылев полагает неизбежным существование политической психолингвистики, изучающей взаимосвязь между менталитетом как образом мышления, языком и формами политического поведения человека: «Менталитет – это нечто, плохо поддающееся унифицированному образованию, воспитанию и исследованию. Менталитет – это неконтролируемая выплата национальной, бытовой и социальной среде, и в ней живут бессознательные модели поведения, жизненные установки, эмоции (чувства), представления о правильном и неправильном. Менталитет устойчив, замаскирован, живуч, агрессивен и овнешняется при первых признаках возможности игры на социальной сцене. Следовательно, основное внимание следует обращать не на психические состояния, а на психические ориентации, определяемые парами противоположностей: эгоизм – альтруизм, желаемое – действительное, зависимое – независимое и пр.» (Базылев: 2005: 5).

Термину *менталитет* противопоставляется *ментальность*. В словаре «Современной западной философии» встречаем следующее определение: ментальность – совокупность готовностей, установок и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом. Она формируется в зависимости от традиций, культуры, социальных структур и всей среды обитания человека, и сама, в свою очередь, их формирует, выступая как порождающий сознание, трудноопределимый исток культурно-исторической динамики.

Политический дискурс может быть осмыслен в своих разнообразных связях с тремя аспектами – с историей страны, с историей общественной

мысли и историей словесного искусства. «Политический дискурс – некая семиосфера коммуникативных практик, которые могут рассматриваться и в реальном, и в потенциальном (виртуальном) аспектах. В реальном измерении – это дискурсные события, текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. В потенциальном измерении дискурс представляет собой семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание некоторой коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов. Помимо семиотического пространства, в потенциальное пространство дискурса входят также представления о типичных моделях речевого поведения и набор речевых действий и жанров, специфических для того или иного типа коммуникации» (Базылев 2005: 7).

Семиотическое пространство политического дискурса формируется знаками разной природы – вербальными, невербальными и смешанными. К вербальным знакам относятся слова, высказывания (политическая афористика), прецедентные тексты, к невербальным – знаковые или символические личности. Зачастую слова, относящиеся к сфере политики, таковыми уже не считаются. Из сознания народа исчезли образы, находившиеся в основе создания соответствующих слов: «Исследование языка позволяет заглянуть за кулисы производства образов, категорий, которые формируются в сознании народа, дает возможность увидеть мир так, как он представлен в языке» (Пименова 2005: 32). В данной статье предлагается анализ некоторых слов, обозначающих те или стороны политической жизни казахов. Сначала обратимся к истории народа Казахстана.

У каждого казаха было «три народа» – собственный род, род матери и род жены. Эти роды обеспечивали ему статус в обществе. Их интересы каждый кочевник должен был блюсти. Казахские жузы – это отражение триального деления, возникшего в эпоху военной демократии. Казахские легенды отражают сам механизм возникновения жузов друг за другом, они не были созданы единым волевым актом какого-либо органа.

Казахская ментальность складывается из менталитета кочевника и воина, пастуха и создателя мировых империй. В этом смысле она, благодаря консервативности патриархально-родового сознания, сродни ментальности кочевника эпохи скифов и гуннов до собственно казахского периода, начавшегося с XV в. Казахская ментальность не может быть осмыслена в отрыве от кочевой цивилизации, яркими представителями которой казахи и являлись. При этом, «учитывая сложный путь, пройденный нацией за

последние века, огромное качественное различие между традиционной культурой казахов и современным казахстанским обществом, достаточно проблемно говорить о каких-то напрямую проявляющихся в современной жизни неизменных чертах национального характера» (Менталитет казахов по народным преданиям и поэзии жырау).

Казахи как носители этнонима «казах» – народ молодой, с другой стороны, как представители родов, вошедших в новое этнополитическое образование XV века, – древний. Эта двойственность была залогом выживания степного народа, который, безусловно блюдя старые традиции, не уставал порождать новые явления. Одним из таких явлений стало движение «казаклык», сопровождавшее кочевое общество с архаических времен до позднего средневековья, когда слово «казак» превратилось в этноним.

Следует оговориться, что принята письменная форма «казак», а не «казак». Последнее словоупотребление – результат русской огласовки, когда было обращено внимание на почти полную фонетическую идентичность вышеприведенных слов, тогда решили провести между ними некий водораздел. Однако такое совпадение было не случайным, ибо русское казачество происходит от движения «казаклык», перенесенного на русскую почву за долгие годы тесного общения в эпоху Золотой Орды. Ведь русское казачество появилось позже, оно возникло в приграничных районах Руси, соседствующих с Великой Степью.

Казаклом мог стать любой человек, – пишет Т. Султанов, – будь он тюрк или перс, рядовой кочевник – скотовод или принц крови в десятом поколении. Некоторое время казаками были, например, старший сын Тохтамыш-хана Джалал-ад-Дин, основатель государства кочевых узбеков шибанид Абу-л-Хайр, его внук Мухаммад Шейбани, чагатаиды Вайс и Сайд, султан Хусайн, владевший саблей, как никто из тимуридов, провел в казачестве не один месяц. Бабур вспоминает в своих знаменитых «Записках», как он «во время казачества» решил направиться из горной страны Масча к Султан Махмуд-хану. Здесь важно отметить, что человек, став казаклом, мог перестать быть таковым и имел право вернуться в прежний статус, в свое общество, как это и сделали все перечисленные выше казаки из тогдашнего высшего света. Султан Хусайн и султан Сайд позднее стали государями каждый в своей стране. Мухаммад Шейбани и Захир-ад-Дин Бабур основали новые государства. Эти антропонимы – исторические имена указанных казахских политиков – относятся к числу важнейших ориентационных знаков казахстанского и не только политического дискурса, поскольку являются узловыми концептами в понятийной сетке, отражающей этот фрагмент казахстанской картины мира, и, будучи знаками с повышенной информативной емкостью, задают когнитивную парадигму, включающую, в частности, и набор типичных ролей и сюжетов, связанных с историей и культурой народа.

У казахов были эпические сказители или музыканты, повествующие о событиях общенационального масштаба, их принимали в гостях влиятельные люди, слушали и рядовые сородичи. Каждый казах знал имена своих предков до седьмого колена, историю их жизни, т.е. историю своего народа. Только понятие народа состояло для него из имен трех родов, от которых он происходил. Кочевник был «азаматом» – «гражданином», несшим обязанности перед народом и имевшим права. Рассмотрим подробнее языковые знаки, относящиеся к политической жизни Казахстана.

Политик как знаковое тело по мнению В. Н. Базылева (2005: 21) существует в трех ипостасях:

а) политик как актер (Р. Познер) – исполняет роль, формирует имидж и подыгрывает ему. Назовем наиболее узнаваемые «маски»: клоун (Жириновский); крепкий хозяйственник, смекалистый, работающий мужик (Лужков); режущий правду-матку грубоватый, бескомпромиссный вояка (Лебедь); студент-отличник (Кириенко); хозяин, царь (Царь Борис, САМ, самодержец);

б) политик как представитель группы; знак, метонимически замещающий группу. С этой функцией связана персонализация политических партий и движений – их в современной России так много, что названия перестают выполнять идентифицирующую функцию, но по именам лидеров легко опознаются: блок Рыбкина, движение Рохлина, партия Лебеда;

в) политик как знак (тоже метонимический) тех или иных политических взглядов, концепций, направлений. Эта знаковая связь наиболее явно выступает в предложениях гождества типа: Горбачев – это перестройка и гласность; Гайдар – это реформы.

В казахстанском лингвальном мире встречаются несколько иные роли и знаки, формирующие образ политиков. Казахский хан был выборным. Он избирался из нескольких претендентов – чингизидов в соответствии с их заслугами. «Харизматичность лидера и психологическое состояние толпы (массы) являются взаимодополнительными величинами или, скорее всего, зеркальными подобиями: они в равной мере аномальны криминальны, для них в равной мере важно использование наглядных образов (так называемые процессы наложения и проекции) и ориентация на «автоматическое мышление». Если к этому добавить установку на повторяемость (событий) («грамматика убеждения основывается на утверждении и повторяемости, на этих двух главенствующих правилах») и на сакрализацию авторитета (составляющие которого суть убежденность и отвага) как на особые ценности, то основным в процессе взаимодействия харизматической личности и толпы оказывается обмен фантомными фактами и мультипликационным поведением» (Базылев 2005: 29).

Решающий голос имели влиятельные люди. Народ шел за такими влиятельными людьми, но демократия всегда предполагает влияние на

массы разными способами. Право голоса же всегда сохранялось за каждым человеком, и казахи использовали его. Каждый казахский воин-азамат не только имел право участвовать в выборах, но и был обязан делать это. В заранее назначенное место собирался весь народ – женщины и дети, мужчины – при полном вооружении.

С обсуждаемыми характеристиками семиотического пространства политического дискурса связано и то, что обычно определяется как конфликтный политический дискурс, по-особому преломляющийся в истории Казахстана. Когда выборщики представляли народу кандидатуру хана, у каждого было право без каких-либо ограничений высказать все, что знает о нем плохого, и никто не мог запретить ему это делать. Криками народ поддерживал или отвергал речи ораторов.

Кроме того, следует упомянуть, что у казахов существовал ряд обычаев, ограничивающих власть хана. Сразу после избрания хана народ разбирали все его имущество. Считалось, что таким образом каждый причащается к благодати, олицетворяемой новым ханом. Это напоминало хану, что у него нет теперь ничего своего, личных интересов, только лишь интересы всего народа. Затем скот возвращался хану в десятикратном размере, но это был уже дар народа казне. Подаренный скот был уже не личным имуществом хана, а государственным, используемым для осуществления государственных целей. Такой обычай назывался «Хан саркыты».

В истории казахского народа были также другие обычаи. «Хан талау» – конфискация народом имущества правителей второго уровня, проявивших себя глупыми и бездарными, трусливыми и подлыми. Для верховного правителя применялся ритуал «Хандыталакету» – «Отказ от хана», когда весь народ по согласию отселялся от неугодного хана. После совершения таких обрядов хан становился изгоем, изгнанником (см. книгу «Азбука казахской истории» М. Магауина).

Казахский эпос описывает специальный ритуал для выяснения, кто из двух повстречавшихся батыров лучше (условно мы назвали его «ритуалом первого выстрела»). Кочевая демократия обратной стороной имела представление об иерархии, охватывающей все стороны жизни, выразившейся в понятиях «старший», «колы үлкен» – «имеющий большую дорогу (большее право)». «Большая дорога» включала множество аспектов – возраст, положение в системе жуз-племя-род, заслуги, слава, авторитет, семейный статус, талант, материальное положение и т.д. (инициационный аспект этой иерархии рассматривается в отдельной работе). В традиционном обществе состязания конкурентов – батыров, акынов, күйши и т.д. – становились основой для формирования духовной иерархии. В музыкальном состязании или состязании ораторов один из соперников раньше судей и зрителей замечал превосходство соперника и останавливал борьбу («сөзге тоқтаган»). По замечанию

И. Абишевой, сама эта способность «сөзге тоқтау» – «подчиниться слову, остановиться, подчиняясь слову» – отмечает духовный уровень человека»

Роль родословий – шежире и их хранителей – шежиреши, которые знали наизусть не только генеалогии, но и биографии, характер, деяния членов своего рода, в традиционной культуре казахов общеизвестно. В устной литературе кочевников особое внимание уделяется «тектілік» – благородству, происхождению человека, наличию у него «тек» – «корней», «происхождения». Настоящий казах обязательно «атадан туған» – «рожденный от ата» – предка, занимающего свое место в родословии – шежире. Конечно, учитывается и упоминается возможность рождения «плохого от хорошего» и «хорошего от плохого», но это все же исключение, чем правило.

Политическая лингвистика – относительно новая, но интенсивно развивающаяся научная дисциплина, возникшая на стыке лингвистики с социологией и политологией и занимающаяся изучением специфики политической коммуникации. В Казахстане политическая лингвистика только рождается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 **Базылев, В. Н.** Политический дискурс в России // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 15.; Урал гос. пед. ун-т; отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2005. – 242 с. – С. 5-31.

2 Менталитет казахов по народным преданиям и поэзии жырау. – Режим доступа: <http://www.tamyr.org.htm>

3 **Наурызбаев, З.** Культура кочевников и современный менталитет казахов. – Режим доступа: <http://www.kazakh.ru/talk/mmess.phuml?id=8139>

4 **Пименова, М. В.** Концепт *политика* и способы его репрезентации // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 15.; Урал гос. пед. ун-т; отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2005. 242 с. – С. 32-38. – Режим доступа: http://gendocs.ru/v40564/политическая_лингвистика_2005_15?page=2

5 **Чудинов, А. П.** Основные направления в политической лингвистике // Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2003. – С. 170-171.

6 **Чудинов, А. П.** Новые исследования по политической лингвистике (2002 – 2004) // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 15.; Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2005. – 242 с. – С. 39-54.

Павлодарский государственный университет
имени С. Торайгырова, г. Павлодар.

Материал поступил в редакцию 24.12.12.

Г. Н. Кенжебалина

Мәденнет пен көп тілділік аспектісінде казак ұтысы

С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті,
Павлодар қ. Материал 24.12.12 редакцияға түсті.

G. N. Kenzhebalina

Kazakh ethnic group in terms of polyculture and multilingualism

Pavlodar State university named after S. Toraigyrov,
Pavlodar. Material received on 24.12.12.

Бұл мақаланы автор Қазақстанның саяси бағыттын үш арна бойынша – елдің тарихы, қоғамдық пікір тарихы, ауыз әдебиетінің тарихын зерттеуге арнаған.

The paper considers research of Kazakhstan mass media discourse in three diversely directed aspects, whic hare - the country's history, the history of social thought and the history of oral culture.